

Уильям Карлос Уильямс

Охотники на снегу

Зима всюду зима
задним планом холмы
снег на склонах возвращаясь

вечером после охоты
из левого края
в пространство холста входят

охотники следом псы вывеска
косо висит
на трактире олень и распятие

холодает
на дворе
и только костер

языками отзывается ветру
кидаясь на хворост
что суют ему женщины справа

холм конькобежцы под ним
Брейгель-художник
все это впускает в себя

выбирая для фона
голый кустарник
картина готова

1963

С. Гандлевский

* * *

Было так грустно, как если бы мы шаг за шагом
Хвойной тропинкой взошли на обветренный холм
И примостились бок о бок над самым оврагом –
Я под сосною, а ты на откосе сухом.

В то, что предстало тогда потемневшему взору,
Трудно поверить: закатная медная ширь,
Две-три поляны, сосняк и большие озера,
В самом большом отразился лесной монастырь.
Прежде, чем тронуться в путь монастырской
дорогой,

Еле заметной в оправе некошенных трав,
Мы битый час провели на поляне пологой,
Долго сидели, колени руками обняв.

Помнишь картину? Охотники лес покидают.
Жмутся собаки к ногам. Вечереет. Февраль.
Там в городишке и знать, вероятно, не знают
Всех приключений. Нам нравилась эта печаль.
Было так грустно, как будто бы все это было –
Две-три поляны, озера, щербатый паром.
Может, и было, да легкое сердце забыло.
Было и горше, но это уже о другом.

1976

* * *

О.Т.

Обычно мне хватает трёх ударов.
Второй всегда по пальцу, бляха-муха,
а первый и последний по гвоздю.

Я знаю жизнь. Теперь ему висеть
на этой даче до скончания века,
коробиться от сырости, желтеть
от солнечных лучей и через год,
просроченному, сделаться причиной
неоднократных недоразумений,
смешных или печальных, с водевильным
оттенком.

Снять к чертям — и на растопку!
Но у кого поднимется рука?

А старое приспособленье для
учёта дней себя ещё покажет
и время уместит на острие
мгновения.

Какой-то здешний внук,
в летах, небритый, с сухостью во рту,
в каком-нибудь две тысячи весёлом
году придёт со спутницей в музей
(для галочки, Европа, как-никак).

Я знаю жизнь: музей с похмелья — мука,
осмотр шедевров через не могу.
И вдруг он замечает, бляха-муха,
охотников. Тех самых. На снегу.

2012

Бахыт Кенжеев

Охотники на снегу

Уладится, будем и мы перед счастьем в долгу.
Устроится, выкипит – видишь, нельзя по-другому.
Что толку стоять над тенями, стоять на снегу,
И медлить спускаться с пригорка к желанному дому

Послушай, настала пора возвращаться домой,
К натопленной кухне, сухому вину и ночлегу.
Входи без оглядки, и дверь поплотнее прикрой –
Довольно бродить по бездомному белому снегу.

Уже не ослепнуть, и можно, спокойно смотреть
На пламя в камине, следить, как последние угли
Мерцают, синеют, и силятся снова гореть,
И гаснут, как память – и вот почернели, потухли.

Темнеет фламандское небо. В ночной тишине
Скрипят половицы – опять ты проснулась и встала,
Подходишь наощупь – малыш разметался во сне
И надо нагнуться, поправить ему одеяло.

А там, за окошком, гуляет метельная тьма,
Немые созвездья под утро прощаются с нами,
Уходят охотники, длится больная зима,
И негде согреться – и только болотное пламя. . .

1975

М.Ю.Кукин

Охотники на снегу

Видно с птичьего полёта,
как охотники с охоты
возвращаются по снегу.
И поджарые собаки,
сбившись в кучу, спешают
за охотниками следом.
Добираясь до ночлега,
все промокли и устали
и выходят на вершину.
Уходя до горизонта,
впереди лежит равнина,
занесённая снегами.
Там далёкие деревни,
и кирпичные руины,
и готические шпили.
Там деревья и каналы,
и катки, и конькобежцы,
и дороги, и плотины.
Там пиликают на скрипке,
и служанки носят воду,
и на кухне жмутся дети.
Там прядут и вышивают,
чинят порванные сети,
выпивают у соседей.
Там из липы вырезают
немудрёные игрушки,
там расписывают глину.
Там в обнимку у харчевни
бродят пьяные солдаты
и горланят про чужбину.
В сером воздухе холодном
пахнет луковой похлёбкой,
пахнет брагою и хлебом.
Тишина повсюду веет.
День смеркается короткий.
Не оглянись — стемнеет.

1998